

Текст делится на слова так: ...нѣ ти отьдамы. А жи... | ... боуди. А Словато(ю) крѣни ми | ...брѣ 2 коуне а...

Понятны только отдельные отрезки: '... тебе отдам'; 'а через Словяту купи мне'; '2 куны'.

Грамота № 1050

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1816, на уровне пласта 10 (глубина 1,84 м), в напластованиях усадьбы Ж. Целое письмо из четырех строк.

ословатѣ грамота къ гюрьцевивъведе отрокъ
на микоулоу и на лѣшанѣ възми поль питѣ
грѣнѣ славомиресе дене въ да есте прави
въведе те отрокъ на славомирѣ

Длина 32 см, ширина 4 см.

Стратиграфическая дата: первая четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: первая – третья четверть XII века, предпочтительно первая четверть.

Текст делится на слова так:

О(тъ) Словатѣ грамота къ Гюрьцеви. Выведе отрокъ на Микоулоу и на Лѣшанѣ, възми поль питѣ гр(и)в(ь)нѣ. Славомиресе дене въ да. А есте прави, а выведете отрокъ на Славомирѣ.

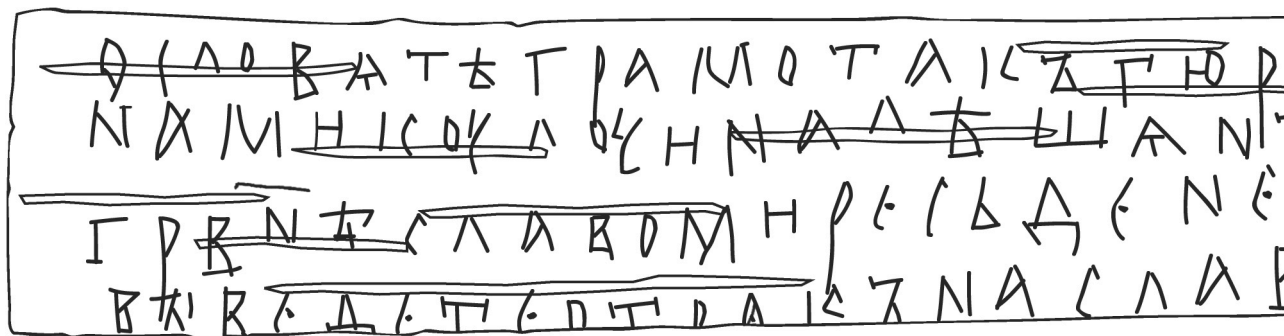
Перевод: 'От Словяты грамота к Гюрцу. Выведе (т. е. вызвав) отрока на Микулу и на Лешана (или: на лесных жителей), возьми четыре с половиной гривны. Славомир здесь не дает (или: не дал).

Если вы правы, вы выведете (вызовете) отрока на Славомира'.

Словята поручает Гюрцу взять долг с его должников, вызвав для этого судебного исполнителя. Перед этим Гюрец, по-видимому, сам просил Словяту о такой же услуге: взять долг с его должника Славомира. Словята пытался это исполнить, но Славомир отказался платить, очевидно, заявив, что Гюрец и его люди в своих претензиях не правы. Словяте неясно, кто же в действительности прав, и он пишет: «Если вы правы, вы вызовете судебного исполнителя на Славомира».

Словята фигурирует также в фрагментированной грамоте № 1049, где сохранились слова 'через Словяту купи мне...'. Гюрец вполне может быть тем же лицом, что Гюрко в грамоте № 1031. Микула — вероятно, тот же, что в грамоте № 1045.

Редкая графическая особенность: в *о Словятѣ* предлог *отъ* записан как *о* (ср., например, *о матери* 'от матери' в грамоте № 350, *о женѣ* 'от жены' в № 931 и др.).

Необычно *поль нитѣ* вместо *поль патѣ*. Если только это не простая ошибка, то можно предположить, что *патѣ* дало *нетѣ* (ср. *промышлеи* из *промышлаи* в № 1031) и в этом *нетѣ* мы наблюдаем нехарактерный для берестяных грамот единичный случай смешения *e* и *i*.

Не вѣда в принципе может быть как аористом, так и презенсом (в обоих случаях с диалектным нулевым окончанием). В данном контексте более вероятен презенс (так наз. «презенс напрасного ожидания», см. ДНД₂, § 4.18): ‘не дает’, ‘никак не отдаст’.

Чрезвычайно ценен для истории русского языка пример *на Славомирѣ*. Древний В. ед. на -ѣ (а не на -а) у имен собственных без сопровождающего имени нарицательного представлен в древнерусской письменности лишь редчайшими примерами (см. Крысько 1994: 22–23). В берестяных грамотах до сих пор был известен единственный пример: *прадаи Хотѣжърь* ‘оштрафуй Хотѣжера’ в № 900 (20-х–30-х гг. XII в.). Пример *на Славомирѣ* относится приблизительно к тому же времени.

Словоформа *лѣшанѣ* может быть интерпретирована двояко: 1) как В. ед. от прозвища (‘леший’); ср. СРНГ (17: 31): *лешанѣ* ‘то же, что *лешакѣ*’ (т. е. леший), Кокчетав; 2) как В. мн. от обозначения лесных жителей или жителей деревни с названием типа *Лѣшое* (ср. *Лѣшое* [НПК, V: 188]; по типу образования ср. деревню *Рѣчани* [НПК, III: 629]). В первом случае перед нами пример сохранения древнего окончания -ѣ в В. ед. — такой же, как в *на Славомирѣ*. Во втором случае, напротив, это пример чрезвычайно раннего появления инновационного В. мн., равного Р. мн., — правда, ровно в той же морфологической группе, что и другие ранние примеры этой инновации (*ополош дворан* в грамоте Ст. Р. 10 [40-е–70-е гг. XII в.], *солю 4 дворано* в № 531 [кон. XII – 1 четв. XIII в.], *съгониша роушанѣ съ конѣ* Синод. НПЛ, под 1224 г.). Достаточных оснований для окончательного выбора между этими двумя версиями в настоящий момент нет.

Еще один важный грамматический факт составляет положение словоформы *есте* во фразе *а есте прави*. Оно не подчиняется закону Вакернагеля, то есть *есте* ведет себя здесь не как энклитика, а как акцентно самостоятельная словоформа — несмотря на то, что это здесь несомненная связка. В корпусе берестяных грамот до сих пор был всего один пример такого рода: *а еси посоромилѣ конѣ въхъ Людинѣ* в № 954 (1-я пол. XII в.). Этот единичный пример был предметом нескольких конкурирующих предположений (включая даже предположение о простом пропуске слова *се* перед *еси*). Но теперь ясно, что какой-либо случайной аномалии здесь нет. Учитывая хронологическую близость грамот № 954 и 1050, мы можем теперь принять для обоих примеров следующее достаточно простое объяснение: оба они относятся к той эпохе, когда процесс превращения акцентно самостоятельных словоформ *есмь*, *еси*, *есме*, *есте* в энклитики еще не произошел (или по крайней мере еще не завершился). Тем самым мы получаем важные сведения о хронологии этого процесса: очевидно, его можно отнести приблизительно ко второй половине XII века.

Прорись грамоты № 1050

